

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-11-1.12>

Шишкова Ирина Алексеевна

**БАЙРОН И САССУН: О ПОЭТАХ И ВОЙНЕ**

Статья рассматривает наличие общих черт в жизни и творчестве двух английских поэтов, великого лорда Байрона и известного своими антивоенными выступлениями Зигфрида Сассуна. Судьбы обоих разворачивались на фоне войны. Их творчество до сих пор не исследовалось с точки зрения сходства их взглядов на мироустройство. Автор акцентирует внимание на произведениях, посвященных антивоенной тематике и неприятию бесполезного кровопролития. Как Байрон, так и Сассун, с разницей в сто лет, высвечивали язвы современного им общества. Статья позволит более глубоко проанализировать некоторые периоды творчества обоих поэтов и определить степень его влияния на общественное мнение Англии времен Первой мировой и Наполеоновских войн.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/2/2018/11-1/12.html](http://www.gramota.net/materials/2/2018/11-1/12.html)

Источник

**Филологические науки. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2018. № 11(89). Ч. 1. С. 56-60. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/2.html](http://www.gramota.net/editions/2.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/2/2018/11-1/](http://www.gramota.net/materials/2/2018/11-1/)

**© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)  
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [phil@gramota.net](mailto:phil@gramota.net)

13. **Blaise W.-P.** Le critique, la presse et la nation: Rémy de Gourmont au Mercure de France, 1890-1900 // Cahiers de l'Association internationale des études françaises. 2007. № 59. P. 281-301.
14. **Boyer A.** Remy de Gourmont. L'écriture et ses masques. P.: Honoré Champion éditeur, 2002. 411 p.
15. **Coulon M.** L'enseignement de Remy de Gourmont. P.: Éditions du Siècle, 1925. 215 p.
16. **Escoube P.** Remy de Gourmont et son oeuvre. P.: Mercure de France, 1921. 106 p.
17. **Gourmont R.** Le Problème du style [Электронный ресурс]. URL: [http://obvil.sorbonne-universite.site/corpus/critique/gourmont\\_style](http://obvil.sorbonne-universite.site/corpus/critique/gourmont_style) (дата обращения: 26.09.2018).
18. **Larrat J.-C., Poulouin G.** Modernité de Remy de Gourmont. Caen: Presses Universitaires de Caen, 2010. 364 p.
19. **Voivenel P.** Remy de Gourmont vu par son médecin. Essai de physiologie littéraire. P.: Éditions du Siècle, 1924. 138 p.

**IMPRESSIONISTIC LITERARY PORTRAIT IN “LE LIVRE DES MASQUES”  
 (“THE BOOK OF MASKS”) BY REMY DE GOURMONT**

**Fenko Svetlana Aleksandrovna**  
Moscow State University of Education  
[swfenko@yandex.ru](mailto:swfenko@yandex.ru)

The article analyses the poetics of “Le Livre des Masques” (“The Book of Masks”) (1896) by Remy de Gourmont (1858-1915) – the French author, one of the founders of literary criticism. The paper identifies the peculiarities of an impressionistic literary portrait in Remy de Gourmont’s creative work, discovers the relation of Gourmont’s literary portrait with the genre tradition that was established by Charles Augustin Sainte-Beuve. The changes in the genre structure are described in the context of the impressionistic criticism of the turn of the XIX-XX centuries. The emphasis is made on the emotional-evaluative tonality and associativity typical of Gourmont’s literary portrait.

*Key words and phrases:* literary portrait; genre; Gourmont; impressionism; impressionistic criticism; “Le Livre des Masques” (“The Book of Masks”).

УДК 8; 8:82.01

Дата поступления рукописи: 30.07.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-11-1.12>

*Статья рассматривает наличие общих черт в жизни и творчестве двух английских поэтов, великого лорда Байрона и известного своими антивоенными выступлениями Зигфрида Сассуна. Судьбы обоих разворачивались на фоне войны. Их творчество до сих пор не исследовалось с точки зрения сходства их взглядов на мироустройство. Автор акцентирует внимание на произведениях, посвященных антивоенной тематике и неприятию бесполезного кровопролития. Как Байрон, так и Сассун, с разницей в сто лет, высвечивали язвы современного им общества. Статья позволит более глубоко проанализировать некоторые периоды творчества обоих поэтов и определить степень его влияния на общественное мнение Англии времен Первой мировой и Наполеоновских войн.*

*Ключевые слова и фразы:* Байрон; Сассун; Наполеоновские войны; Первая мировая война; поэма; лирика; английские окопные поэты.

**Шишкова Ирина Алексеевна**, д. филол. н., профессор  
Литературный институт имени А. М. Горького, г. Москва  
[ishishkova@yandex.ru](mailto:ishishkova@yandex.ru)

**БАЙРОН И САССУН: О ПОЭТАХ И ВОЙНЕ**

В судьбах поэтов нередко наблюдаются удивительные сходства. Неслучайно биограф окопного поэта Зигфрида Сассуна (Siegfried Sassoon, 1886-1967), Макс Эгрмонт (Max Egremont), в одной из своих лекций «Зигфрид Сассун. Жизнь поэта» назвал того воплощением романтического идеала (the embodiment of a romantic ideal) и байронической личностью (a Byronic figure) [4].

Перипетии в судьбе Байрона (1788-1824) проходили на фоне Наполеоновских войн в Европе (1799-1815), а Сассун ушел добровольцем на Первую мировую (1914-1918).

В 1816 году, после скандального расставания с женой, Байрон навсегда покинул Англию, отправившись в вынужденную ссылку в Швейцарию. Поэт предвидел участь Европы: один правитель сменил другого, а в мире, кроме разрушенных городов и искалеченных судеб, вновь ничего не изменилось, и простой народ не заметил значительных социополитических преобразований. Байрон с горечью писал о том, что сильные мира сего так и не осознали трагизма создавшейся ситуации. Их не смущал тот факт, что от павших тиранов останется только нелестное упоминание в истории да дорогой могильный камень: «А впрочем, не хватало одного им: / Оплаченных историку похвал / Да мраморной гробницы...»<sup>1</sup> [1; 11].

<sup>1</sup> “What do these outlaws conquerors should have? / But History’s purchased page to call them great? / A wider space – an ornamented grave?”

Байрон часто обращался мыслями к исторической роли Наполеона, сетуя на то, что для мира его гений остался непонятым. Если в начале войны личность императора рисовалась ему в романтическом свете, то впоследствии его кумир предстал в образе тирана и завоевателя. Несмотря на прежнее восхищение полководцем, поэт не мог оправдать его равнодушного и жестокого отношения к борющимся за освобождение народам и желания «навязать» им свою волю: «Сильнейший там, но нет, не худший пал. / В противоречьях весь, как в паутине, / Он слишком был велик и слишком мал, / А ведь явись он чем-то посредине, / Его престол не дрогнул бы донныне...»<sup>1</sup> [Там же].

По мнению Роберта Хеммингса (Robert Hemmings), в 1914 году, оказавшись вовлеченным в военные действия, Сассун тосковал по «добрым старым дням», а после войны, наоборот, испытал ностальгию по времени, проведенному в окопах [5, р. 1-3]. Он писал о том, что ностальгические воспоминания всегда будут сопровождать человека, даже если его переведут из ада в рай [10, р. 15].

Живо интересуясь политикой, Байрон связывал войну с освободительным движением в Европе, как и век спустя Сассун, не уступая в патриотизме своим соотечественникам, возлагал надежды на освобождение Европы от немецкого вторжения. В стихотворении «Отпущение грехов» (“Absolution”, 1915) говорится о том, что война заставляет ее участников видеть все по-другому, и постоянное балансирование на грани жизни и смерти освобождает солдата от прежнего «миллиона терзаний», позволяя воспринять другую красоту, которая «сияет во всем, что мы видим. / Война – наша беда; однако война сделала нас мудрыми, / И, воюя за свободу, мы свободны» (здесь и далее, если не указано иное, перевод мой. – *И. Ш.*)<sup>2</sup> [Ibidem].

По мнению А. Роса (A. Rawes), Байрон, написав Песнь третью «Паломничества Чайльд Гарольда» (“Childe Harold's Pilgrimage”, 1812-1818), рассматривал свою судьбу как часть общей европейской драмы [9, р. 118], однако, несмотря на перенесенное личное несчастье, он попытался противостоять отчаянию, обратившись к поэтической фантазии: «Их удержать, облечь их в плоть живую, / Чтоб тень была живее нас самих, / Чтоб в слове жить, над смертью торжествуя, – / Таким увидеть я хочу мой стих»<sup>3</sup> [1; 11].

Как справедливо считает Лесли Марчанд (Leslie Marchand), к 1816 году Байрон еще не осознавал, до какой степени обогатится его литературный опыт. Покинув Англию, несмотря на сильную душевную боль, он внутренне освободился от пут прежней славы, отвлекавшей его от творчества, и вдохнул опьяняющий воздух свободы, позволивший ему забыть бытовые и семейные проблемы [8, р. 235]. В том же году появился роман в готическом стиле «Гленарван» (“Glenarvon”, 1816) леди Каролины Лэм (Lady Caroline Lamb, 1785-1828), которая назвала в нем Байрона “mad, bad, and dangerous to know” («сумасшедшим, порочным и тем, с кем опасно связываться»).

Став ведущим поэтом Первой мировой войны и проявив чудеса героизма на полях сражений, не щадя себя, отправляясь на самые опасные задания, Сассун прославился своим бесстрашием и был награжден орденом за подвиги, совершенные им на Западном фронте. Но к 1916 году поэт уже разочаровался в войне и напрасной гибели многих молодых солдат, написав декларацию о бессмысленном кровопролитии. В 1917 г. в комментарии газеты “Independent” Сассуна назвали почти так же, как когда-то леди Каролина Лэм Байрона – “mad, sad or heroically confused” («сумасшедшим, жалким или героически запутавшимся»). Сассун писал: «Я делаю это заявление, совершая акт открытого неповиновения военной власти» [6, р. 161]. Осуждая мотивы войны, он говорил о том, что из освободительной она превратилась в захватническую [Ibidem]. Декларация поэта была зачитана в Палате Общин, и для того, чтобы не привлекать к инциденту большого внимания, Сассун как душевнобольной был отправлен в военный госпиталь.

Говоря о Байроне, Патриция Болл (Patricia Ball) считала, что после скандального разрыва с женой маршрут его странствий по Европе, описанный в «Чайльд Гарольде», был похож на подобные эскапады других путешественников, однако, в отличие от них, как поэта-романтика Байрона никогда не интересовали лишь достопримечательности или красота пейзажа – всякий раз, вспоминая увиденное, он говорил о своих переживаниях, преображая при помощи поэтической фантазии связанные с ними исторические события [2, р. 19-21].

В 1816 году Байрон пишет о себе как о человеке, потерявшем веру в собственные силы. Он больше не надеялся найти настоящую любовь и не знал, для чего жить. Позже, вспоминая то время, Байрон с горьким юмором признавался, что даже подумывал о самоубийстве и, вероятнее всего, пошел бы на это, но не хотел доставлять радости своей теще [3, р. XIX].

На пути в Швейцарию горный воздух, небо, вода стали для поэта не просто живительным бальзамом, но превратились в катализатор его поэтических возможностей: «Я там в себе не замыкаюсь. Там / Я часть Природы, я – ее создание. / <...> Но моря гул, но льдистых гор блистанье!»<sup>4</sup> [1; 11].

Байрон восхищался величием Альп, говоря о превосходстве горных массивов над человеческими слабостями и тщеславием: «Там край лавин, их громовой исход, / Там для души бескрайные просторы, / И там земля штурмует небосвод. / А что же человек? Чего он, жалкий, ждет?»<sup>5</sup> [Там же].

<sup>1</sup> “There sunk the greatest, nor the worst of men, / Whose spirit antithetically mixed / One moment of the mightiest, and again / Extreme in all things!..”

<sup>2</sup> “...shines in all that we can see, / War is our scourge; yet war has made us wise, / And fighting for our freedom, we are free.”

<sup>3</sup> “Tis to create, and in creating live / A being more intense that we endow / With form our fancy, gaining as we give / The life we image, even as I do now –”

<sup>4</sup> “I live not in myself, but I become / Portion of that around me; and to me / <...> And with the sky – the peak – the heaving plain...”

<sup>5</sup> “All that expands the spirit, yet appals, / Gathers around these summits, as to show / How Earth may pierce to Heaven, yet leave vain man below.”

Познав равнодушие и жестокость общества, он писал о своем желании слиться с природой, общение с которой было дороже всех сокровищ мира: «Чайльд ищет вновь среди вихря светской моды, / В толкучке зал, где суэта кипит, / Для мысли пищу, как в былые годы / Под небом стран чужих, среди чудес природы»<sup>1</sup> [Там же]. Несмотря на взлеты и падения в своей жизни, поэт знал, что природа никогда его не предаст, но сможет облегчить сердечную боль: «Среди пустынных гор его друзья, / Среди волн морских его страна родная...»<sup>2</sup> [Там же].

В поэзии Сассуна природе тоже отведена одна из главных ролей. Как поэт-солдат он испытывал глубокое сочувствие к молодым ребятам, обреченным на гибель ради чужих амбиций. Однако в его стихотворениях небо воплощало символ бесконечной боли: «А над холмом, на небе, пятна дыма, как ржавчина»<sup>3</sup> [10, p. 45]. Создает впечатление, что в поэзии Сассуна периода Первой мировой войны природа будто «отвернулась» от солдат.

В своем стихотворении «Я стоял среди мертвых» (“I Stood with the Dead”, 1918) поэт писал: «Я стоял среди мертвых, всеми покинутый и неподвижный. / На серой заре я стоял среди мертвых»<sup>4</sup> [Ibidem, p. 123].

Если во время своей вынужденной ссылки Байрон сливался душой с природой, то Сассун словно отдалился от нее: искалеченная минами земля с ее лесами и болотами предстает перед читателем враждебной и зловешей. Для окопного поэта дождь становится символом отчаяния. В монологе «Умер от ран» (“Died of Wounds”, 1916) тяжело раненный солдат на смертном одре восклицает: «...и вечно идет дождь» (“...it’s always raining”).

Постоянно встречаясь со смертью, Сассун, как и солдаты на поле боя, под струями холодного, ледящего дождя видел не алию, а серую зарю. В 1915-1916 гг. в своем стихотворении «Искупитель» (“The Redeemer”) он вспоминал темноту, слякоть и хлещущий дождь (“Darkness: the rain sluiced down...”), преследовавшие несчастных солдат. По глубине ощущений человека, испытывающего чувство величайшей горести, оно напоминает байроновскую «Тьму» (“Darkness”, 1818).

В «Дозоре в траншеях» (“Trench Duty”, 1918) звездное небо становится мрачным фоном, на котором происходят трагические события: «И небо тусклых звезд над головой висит. / Я пробужден от сна, а мой сосед убит»<sup>5</sup> (пер. Э. Шапиро) [12, p. 38].

В «Угрызениях совести» (“Remorse”, 1918) дождь становится метафорой уныния и безысходности: «Когда из мрака хлещет дождь... Ступает / Бессильно, грузно. И, как вспышка света, / Вопрос: “Что может хуже быть, чем это?”» (пер. Э. Шапиро)<sup>6</sup> [10, p. 118].

Воспоминания о доме у персонажей Сассуна, наоборот, ассоциируются с теплым летним дождем. Так, в стихотворении «На смертном одре» (“The Death-Bed”, 1916) умирающему солдату представляется чистый водоем с отражающимися в нем цветами (reflected flowers) и теплый английский дождь (warm rain), окропивший увядшие розы в саду. Несмотря на отсутствие патриотического пафоса, в нем звучит та же любовь ко всему английскому, что и у Руперта Брука (Rupert Brooke, 1887-1915) в его знаменитом стихотворении «Солдат» (“The Soldier”, 1914): «...стал некий уголок, среди поля, на чужбине / навеки Англией» (пер. В. Набокова)<sup>7</sup> [12, p. 3].

В своем комментарии к стихотворению «Христос и солдат» (“Christ and the Soldier”, 1916) Сассун писал о неспособности религии объяснить молодым людям необходимость кровавого побоища и той катастрофы, с которой им пришлось столкнуться. Он говорил о том, что священники никогда не приходили к солдатам, кроме тех случаев, когда нужно было кого-либо хоронить [10, p. 47].

На фронте, уносясь в мечтах к дням юности, полным надежд и высоких устремлений, Сассун обращался к картинам мирной жизни, которая на войне казалась ему идеальной. Английские живые изгороди, поля и луга манили его своей красотой и умиротворенностью. Сочетание ностальгических размышлений и непосредственной реакции поэта на фронтные события позволило привнести в поэзию травматический опыт солдата, прошедшего сквозь страх и боль, и глубже проанализировать скрытые возможности человека, оказавшегося в тяжелых обстоятельствах.

В стихотворении «Подавление воспоминаний о войне» (“Repression of War Experience”, 1917), получившем свое название от одноименной лекции лечившего Сассуна знаменитого психиатра В. Г. Р. Риверса (W. H. R. Rivers, 1864-1922), описываются ощущения человека, который по совету врача в мирной обстановке должен научиться отвлекаться от горьких мыслей (Риверс призывал к тому, чтобы, глядя на различные приятные мелочи, например, книги на полке или пламя свечи, пришедший с фронта солдат сумел заставить себя получать положительные эмоции). Однако Сассун пишет о том, что ему никак не удавалось освободиться от горьких воспоминаний о войне: «Летом дома ты тих и спокоен и никогда не вспомнишь о проклятой войне... Нет, вспомнишь! <...> Как же о ней не вспомнить... ведь ты до сих пор слышишь выстрелы»<sup>8</sup> [Ibidem, p. 85].

В поэзии Сассуна периода Первой мировой войны присутствуют такие ужасающие детали, как гниющие трупы, изувеченные конечности, окопная грязь, феномены трусости и суицида. В стихотворении

<sup>1</sup> “And he, as one, might ‘midst the many stand / Unheeded, searching through the crowd to find / Fit speculation – such as in strange land / He found in wonder-works of God and Nature’s hand.”

<sup>2</sup> “Where rose the mountains, there to him were friends; / Where rolled the ocean, thereon was his home...”

<sup>3</sup> “Above that hill the skies were stained like rust with smoke.”

<sup>4</sup> “I stood with the Dead so forsaken and still: when dawn was grey I stood with the Dead.”

<sup>5</sup> “Blank stars. I’m wide-awake; and some chap’s dead.”

<sup>6</sup> “Heavily, blindly on. And, while he blunders, / ‘Could anything be worse than this?’ – He wonders.”

<sup>7</sup> “...there is some corner of a foreign land / That is for ever England.”

<sup>8</sup> “You are quiet and peaceful, summering safe at home; / You’d never think there was a bloody war on!.. / O yes, you would... why, you can hear the guns.”

«Самоубийство в окопах» (“Suicide in the Trenches”, 1918) говорится о веселом молодом солдате, который до войны радовался жизни, а столкнувшись с тяжелыми военными буднями и впад в депрессию, решил с ней расстаться: «Он пустил себе пулю в лоб. / И никто его вспомнить не мог»<sup>1</sup> [Ibidem, p. 119]. Обращаясь к толпе людей, приветствовавшей вернувшихся с фронта и маршировавших по улицам солдат, поэт с грустью замечает, что, радуясь их возвращению, жители тыла даже представить себе не могут, через что пришлось пройти фронтовикам: «...молитесь, чтоб не знать вам ужасов тех, поглотивших юность и смех»<sup>2</sup> [Ibidem].

Образы храбрых командиров, вынужденных посылать молодых ребят на явную и бесполезную гибель, и самих солдат, разуверившихся в тех викторианских ценностях, которые им прививали с детства, сопровождают почти каждое стихотворение Сассуна. Так, в пронзительном поэтическом диалоге «Они» (“They”, 1914) оставшиеся в живых солдаты вступают в полемику со священником, уверенным в том, что многочисленные смерти их друзей не напрасны: «Да, мы другие, – был ему ответ. – / Вернуться прежними с войны нельзя. / Безногий Вильям, сифилитик Берт, / Ослепший Джим – вот ваши сыновья. / Кто ранен, кто предчувствует конец...» / «Пути Господни...» – рёк святой отец (пер. А. Строкиной)<sup>3</sup> [Ibidem, p. 101]. Сассун вспоминает о том, как несмотря на жуткую усталость, эти стихи полились сами собой, и когда однажды утром он показал их Эдварду Маршу (Edward Marsh, 1872-1953), знаменитому британскому покровителю искусств и эрудиту, тот пришел в ужас. Возвращаясь от него, поэт встретил по дороге лондонского архиепископа, одарившего его лучезарным взглядом [Ibidem, p. 57].

К 1916 г. моральное состояние Сассуна оставляло желать лучшего. В стихотворении «К победе» (“To Victory”, 1916), сетуя на надоевший серый и коричневый цвет: “I’m tired of the greys and browns” [Ibidem, p. 21], – поэт писал о своем разочаровании в войне и пробуждении бунтарского духа. Сассун признавался, что, как и его фронтовые товарищи в стихотворении «Христос и солдат» (“Christ and the Soldier”, 1916), он сам бы мог воскликнуть: «О Боже! Пусть это поскорее закончится!» [Ibidem, p. 47].

Путь Байрона в Швейцарию пролегал через Бельгию и Германию, и его маршрут тоже почти полностью совпал с теми областями, в которых воевал Сассун. Если Байрон проезжал по мирной территории, то Сассун, сто лет спустя, рисковал на ней жизнью.

В 1816 году память о битве при Ватерлоо была еще слишком свежа. Появляясь повсюду в карете, сделанной по модели кареты Наполеона, Байрон возмущал общественное мнение. Первого мая 1816 г. поэт писал своему другу Хобхаузу о том, что специально не поехал через Францию, чтобы не видеть ее поверженных жителей [3, p. 222]. В стихотворении «Ночная атака» (“A Night Attack”, 1916) Сассун, многое пережив, с сочувствием вспоминал о немецком солдате, вынужденном воевать неизвестно за что и так же, как и английские парни, ненавидевшем войну и жаждавшем мира<sup>4</sup> [10, p. 43].

Итог Битвы при Ватерлоо радикально изменил ситуацию в уставшей от войны Европе. Байрон осознавал, что свободолюбивые идеи Французской революции были искажены, но ему претила мысль о возвращении к прежним ценностям и институтам власти. Строки, посвященные итогам битвы, отражали гордость поэта за мужество народа, сбросившего оковы Наполеона: «И, пустотой бесплодных дней томим, / Влачит он цепь над бездною соленой, – / Ту цепь, которой мир душил закабаленный»<sup>5</sup> [1; 11].

Байрон выступал как представитель своего народа и как мыслитель, разоблачавший захватнические интересы стран, участвовавших в войне. Стоя на поле Ватерлоо, через одиннадцать месяцев после битвы, поэт более критически подошел к ее итогам, вспомнив героев, навеки оставшихся в памяти соотечественников. Поэтическое воображение позволило Байрону здраво оценить политические события в Европе. Как известно, в битве при Ватерлоо Британия потеряла более пятнадцати тысяч солдат. Фиона Маккарти (Fiona MacCarthy) подчеркивает, что романтические строки поэта, посвященные ужасам и триумфам войны, ее радостям и разочарованиям, не оставили никого равнодушным. Вряд ли можно было найти хоть одну семью в Англии, в той или иной степени не пострадавшей от Наполеоновских войн [7, p. 288]. То же самое можно сказать об участниках и их родных в Первую мировую войну. Байрон сознавал, что на фоне других стран Британия оказалась в более выгодном экономико-политическом положении, но со всей поэтической страстью он отказывался поддерживать правительство Тори.

В 1917 году в стихотворении «Мертвому офицеру» (“To any Dead Officer”) Сассун критиковал политиков, отсиживавшихся в своих кабинетах, пока молодые люди гибли на полях сражений.

Эпические компоненты в произведениях поэтов сменились горькими монологами, наполненными сочувствием к убитым и раненым. Байрон писал: «Иль быть Земле и до скончанья дней / Все той же? Кровь удобрила ей лоно, / Но мир на самом страшном из полей / С победой получил лишь новых королей»<sup>6</sup> [1; 11].

Во время своего знаменитого путешествия Байрон был полон мыслей о безымянных героях, пожертвовавших жизнью ради свободы. В Кобленце, посетив могилу молодого французского генерала Франсуа-Северин

<sup>1</sup> “He put a bullet through his brain. / No one spoke of him again.”

<sup>2</sup> “...pray you’ll never know / The hell where youth and laughter go.”

<sup>3</sup> “We’re none of us the same!” the boys reply. / “For George lost both his legs; and Bill’s stone blind; / Poor Jim’s shot through the lungs and like to die; / and Bert’s gone syphilitic: you’ll not find / A chap who’s served that hasn’t found *some* change.” And the Bishop said: “The ways of God are strange!”

<sup>4</sup> “...he loathed the war and longed for peace...”

<sup>5</sup> “Ambition’s life and labours all were vain – / He wears the shattered links of the World’s broken chain.”

<sup>6</sup> “How that red rain hath made the harvest grow! / And is this all the world has gained by thee, / Thou first and last of Fields! king-making Victory?”

Марсо-Дегравье (François-Séverin Marceau-Desgravières, 1769-1796), погибшего в конце XVIII в., поэт восхищался его смелостью, так как тот выступал против коалиции стран, пытавшихся подчинить себе Францию: «То был наш враг Марсо, но тем видней / Британцу и дела его, и слава. / Его любили – где хвала верней / Солдатских слез, пролитых не лукаво? / Он пал за Францию, за честь ее и право»<sup>1</sup> [Там же].

Размышляя над уроками прошлого, Байрон сравнивал кровавый след, оставленный в истории битвой при Ватерлоо, участники которой преследовали не только благородные, но и корыстные цели, с битвой греков при Марафоне (the Battle of Marathon) 490 г. до н.э. и битвой при Муртене (фр. Morat), одним из самых значительных событий Бургундских войн, когда народы сражались за независимость своей родины: «Как Ватерлоо повторило Канны, / Так повторен Моратом Марафон. / Там выиграли битву не тираны, / А Вольность, и Гражданство, и Закон»<sup>2</sup> [Там же].

В 1918 г. Великая война (The Great War), как ее называли современники, окончилась. Век назад, в 1818 г., Байрон написал свою «Оду к Венеции» (“Ode on Venice”), рассуждая об ошибках, допущенных тиранами, не сделавшими никаких важных выводов, которые могли бы позитивно сказаться на жизни будущих поколений, поэт сравнил судьбу Венеции с участью Западного мира.

Байрон сочувствовал поверженным народам и боролся за свободу Греции, а Сассун писал стихи в защиту солдат, отдавших жизнь за чужие интересы. Оба поэта внесли свой неоценимый вклад в антивоенное движение Британии.

#### *Список источников*

1. **Байрон Д. Г.** Паломничество Чайльд Гарольда. Песнь третья [Электронный ресурс] / пер. В. Левика. URL: <http://byron.velchel.ru/index.php?cnt=11&sub=6&page=5> (дата обращения: 15.06.2018).
2. **Ball P. M.** Childe Harold's Pilgrimage. Cantos III and IV and "The Vision of Judgement" (Lord Byron). Oxford: Basil Blackwell, 1968. 237 p.
3. **Byron's Letters and Journals: a New Selection.** Oxford: Oxford University Press, 1973. 560 p.
4. **Egremont M.** Siegfried Sassoon: A Poet's Life [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/video/search?text=зигфрид%20сассун%20youtube&path=wizard&noreask=1&filmId=313357478861699636> (дата обращения: 16.06.2018).
5. **Hemmings R.** Modern Nostalgia: Siegfried Sassoon, Trauma and the Second World War. Edinburgh University Press, 2008. 169 p.
6. **Hipp D.** The Poetry of Shell Shock: Wartime Trauma and Healing in Wilfred Owen, Ivor Gurney and Siegfried Sassoon. McFarland, 2005. 224 p.
7. **MacCarthy F.** Byron. Life and Legend. L.: Faber & Faber, 2003. 674 p.
8. **Marchand L. A.** Byron. A Portrait. Great Britain: The Cresset Library, 1987. 518 p.
9. **Rawes A.** 1816-17: Childe Harold III and Manfred // The Cambridge Companion to Byron. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 118-132.
10. **Sassoon S.** The War Poems / arranged and introduced by R. Hart-Davis. L. – Boston: Faber and Faber, 1983. 160 p.
11. **The Works of Lord Byron. Volume 2. Poetry. Childe Harold's Pilgrimage** [Электронный ресурс]. URL: [https://en.wikisource.org/wiki/The\\_Works\\_of\\_Lord\\_Byron\\_\(ed.\\_Coleridge,\\_Prothero\)/Poetry/Volume\\_2/Childe\\_Harold%27s\\_Pilgrimage](https://en.wikisource.org/wiki/The_Works_of_Lord_Byron_(ed._Coleridge,_Prothero)/Poetry/Volume_2/Childe_Harold%27s_Pilgrimage) (дата обращения: 15.06.2018).
12. **World War One British Poets. Brooke, Owen, Sassoon, Rosenberg and Others.** Mineola, N. Y., 1997. 71 p.

#### BYRON AND SASSOON: ABOUT POETS AND WAR

**Shishkova Irina Alekseevna**, Doctor in Philology, Professor  
*Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, Moscow*  
*ishishkova@yandex.ru*

The article deals with the existence of common features in the life and works of two English poets, great Lord Byron and Siegfried Sassoon, who is known for his anti-war speeches. The destinies of both poets lay against the war background. Their works have not been studied in terms of the similarity of their views on the world order. The author focuses on the writings devoted to anti-war themes and rejection of useless bloodshed. Both Byron and Sassoon, with a hundred-year gap, highlighted the ulcers of their contemporary society. The article allows analyzing more deeply some periods of both poets' creativity and identifying the degree of its influence on public opinion in England during the World War I and the Napoleonic Wars.

*Key words and phrases:* Byron; Sassoon; The Napoleonic Wars; The World War I; poem; lyrics; English trench poets.

<sup>1</sup> “Honor to Marceau! o'er the early tomb / <...> / Lamenting and yet envying such a doom, / Falling for France, whose rights he battled to resume.”

<sup>2</sup> “While Waterloo with Cannae's carnage vies, / Morat and Marathon twin names shall stand; / They were true Glory's stainless victories, / Won by the unambitious heart and hand.”